

— Нет, так не пойдет, с какой стати мне наживаться за твой счет? Я запишу это как предоплату, покроет следующие два месяца. А ну-ка, распишись здесь...

Дядюшка Ян подошел к делу со всей серьезностью. Лишь когда они наконец во всем разобрались, он с довольным видом начал спускаться по лестнице. Сделав пару шагов, он заметил стоявшего со сложенными на груди руками Чжай Чэня и тут же повернул обратно:

— Ну и дырявая же у меня голова!

Чжай Чэнь отступил в сторону и сделал знак Фан Чуяну, который уже поднялся к повороту на второй этаж. Оперативники бесшумно и быстро двинулись вверх.

Раздался громкий стук в дверь, и дядюшка Ян снова зычно крикнул:

— Кое-что забыл, открой еще разок!

— Да что еще такое!

Лу Чанхуа нетерпеливо распахнул дверь. Но стоило ему высунуть голову, как на него прямо из темноты налетели две тени. Лу Чанхуа даже не успел сменить выражение лица; он инстинктивно зажмурился, и тело, опережая мысли, рванулось назад. Однако навалившиеся тени тут же впечатали его в пол.

На самом деле все эти действия, казавшиеся столь долгими, произошли в одно мгновение, подобно вспышке молнии.

Прижал его к полу не кто иной, как Чэнь Чжаохуэй, чьи глаза все еще оставались красными. Сяо Чэнь ловко заломил ему одну руку за спину и потянулся к поясу за наручниками, но пальцы нащупали лишь пустоту. Он вспомнил, что сдал и наручники, и служебное удостоверение, и невольно замешкался. Зажатый Лу Чанхуа тут же воспользовался моментом и отчаянно задержался:

— Вы кто такие? На каком основании вы меня хватаете?

Чэнь Чжаохуэй едва не упустил его. Он с силой уперся коленом в поясницу задержанного и скрутил обе его руки вместе. В этот момент перед его лицом появились наручники. Сяо Чэнь поднял голову и над поблескивающим серебром металла встретился взглядом с суровым лицом Фан Чуяна.

Шмыгнув носом, он быстро взял их и защелкнул на запястьях подозреваемого.

Гао Юйшэн стоял у ворот и медленно, метр за метром, оглядывал старый жилой двор. На него внезапно нахлынуло удушье.

Однообразные, лишённые какого-либо намека на дизайн кирпичные пятиэтажки обступали крошечный дворик с трех сторон. У подножия стен рос дикий виноград, карабкающийся вверх по облупившейся кладке. В старых, облицованных плиткой клумбах не было декоративных цветов — они сплошь заросли чесноком, зеленым и диким луком.

Пейзаж перед глазами словно покрылся желтизной старой киноплёнки. Трава и деревья остались прежними, но люди и времена изменились.

— Мама, мы идем к братику? — спросил семилетний Гао Юйшэн, с надеждой заглядывая в

лицо матери. Держась за руку Е Жун, он выходил из темного и грязного подъезда.

Мама тогда была еще совсем молодой. Одета в приличный деловой костюм, она одной рукой вела его, а в другой несла маленький рюкзачок:

— Нет, мы едем к папе.

— А как же братик? — маленький Гао Юйшэн почувствовал себя обманутым и вырвал свою ладошку.

— У братика теперь новый дом. Позже я обязательно отвезу тебя к нему, хорошо? — Мама присела перед ним и заговорила ласково. В его воспоминаниях мама никогда не была столь терпеливой.

— Я хочу, чтобы братик поехал к папе вместе со мной. — Гао Юйшэн больше не был тем доверчивым ребенком, каким его похитили. Он пристально посмотрел маме в глаза, допытываясь, где же братик Синсин.

Е Жун глубоко вздохнула и прижала сына к себе:

— Твой папа не согласится растить Синсина. Когда подрастешь, ты вернешься сюда. Если Синсин все еще помнит тебя, он обязательно тебя найдет.

— У-у... Мне не нужен папа, я хочу к братику!

— Больше никогда так не говори! — резко прикрикнула мать.

Перепуганный Гао Юйшэн тут же перестал плакать, а она сразу же раскаялась:

— Извини, Тяньцы, маме не следовало кричать на тебя. Но ты должен жить с папой и слушаться его во всем. Помни, ты мой сын, и тебе некого бояться.

У ворот припарковался роскошный черный автомобиль и дважды просигналил.

Гао Юйшэн забрался на заднее сиденье, взял из рук матери свой рюкзачок и протиснулся глубже в салон, освобождая для нее место. Однако в следующую секунду дверь с глухим стуком захлопнулась, оставив маму снаружи.

— Мама! — Гао Юйшэн бросился к двери, пытаясь открыть ее, но замок щелкнул и заблокировался.

Е Жун стояла снаружи с покрасневшими глазами и, с трудом выдавив улыбку, крикнула:

— Тяньцы, мама забыла кое-какие вещи. Ты поезжай первым, а я скоро приеду к тебе.

— Ты врешь! Мама, я хочу выйти! Мама! — изо всех сил колотил по стеклу Гао Юйшэн. Ребенок, выросший в горах, понятия не имел, как вручную разблокировать замок дорогой машины.

Машина тронулась, водитель без колебаний нажал на газ.

— Тяньцы, мама любит тебя...

Силуэт матери постепенно удалялся и наконец скрылся в облаке выхлопных газов.

Пожелтевшие воспоминания с грохотом рассыпались, обнажая суровую реальность настоящего.

Группа оперативников вывела из подъезда Лу Чанхуа с черным мешком на голове. Чжай Чэнь с улыбкой похлопал растерянного дядюшку Яна по плечу, но стоило ему повернуться и взглянуть на ворота, как беззаботная улыбка мгновенно сошла с его лица.

Чжай Чэнь только-только приводил дядюшку Яна в чувство, когда заметил, что Гао Юйшэн застыл прямо посреди ворот словно истукан. Его красивое лицо с точеными чертами, освещенное ярким раннеосенним солнцем, было мертвенно-бледным. Позабыв про всех дядюшек на свете, Чжай Чэнь тут же бросился к нему:

— Юйшэн, что с тобой?

— Братик, — сорвался с дрожащих губ едва слышный шепот, выдавая всю глубину его неприкаянного, сковывающего страха.

— Ну скажи же что-нибудь! Что случилось? — разволновался Чжай Чэнь и протянул к нему руку, но Гао Юйшэн внезапно крепко обнял его. Давно переросший подростковый возраст Гао Юйшэн обладал сильными, мускулистыми руками, и лишенный кислородной подпитки Чжай Чэнь вмиг оказался зажат в тиски, не в силах шевельнуться.

— Я вспомнил... В детстве мы ведь жили здесь!

Чжай Чэнь опешил. Значит, этот парень действительно все забыл. Неудивительно, что во время прошлого визита Гао Юйшэн никак не отреагировал на это место, да и в обычные дни почти не заводил разговоров о жизни здесь. Но ведь он прекрасно помнил все, что происходило в горной деревне. С чего бы ему помнить раннее детство и забыть то, что было позже? Неужели случилось что-то такое, из-за чего он потерял часть воспоминаний?

— Ты ведь все это время искал меня, верно?

Напротив находился детский сад, где работал Чжай Чэнь. Все эти годы он оставался здесь, ожидая возвращения Тяньцы. Зная это, Гао Юйшэн все равно не мог до конца поверить и, словно глупец, переспрашивал снова и снова.

Словно умирающий от голода человек, перед которым внезапно раскинулся императорский пир — он не смеет ни прикоснуться к еде, ни пошевелиться. Боится, что все это лишь предсмертная иллюзия, рожденная угасающим разумом, и стоит поверить — как он рухнет в бездну.

— А я-то думал, ты знаешь, — вздохнул Чжай Чэнь. До него наконец дошло: неужели этот глупыш все время считал, будто он его не искал?

Он всего лишь помедлил день-другой после того, как узнал его, боясь потревожить, а тот успел надумать бог весть что. Чжай Чэню стало одновременно и досадно, и смешно, и безумно жаль его. Он похлопал парня по спине, пытаясь заставить разжать руки, но Гао Юйшэн сжал объятия еще крепче.

Гао Юйшэн уткнулся лицом ему в шею:

— Братик, ты сам решил меня искать. И теперь тебе нельзя меня покидать. Ни ради кого и ни ради чего на свете.

Этот ровный, как и всегда, приятный голос отозвался вибрацией в костях и теле, отголоском взорвавшись прямо в голове Чжай Чэня, заставив его уловить в этих словах нечто особое. Его сердце дрогнуло. Лежавшая на спине ладонь медленно скользнула вверх и мягко погладила взъерошенный затылок.

— Эй, мы идем или как? — недоуменно подал голос Лу Чанхуа, остановленный на полпути двумя конвоировавшими его полицейскими.

Чжай Чэнь одеревенело поднял голову и обнаружил, что и дядюшка Ян, и все оперативники во главе с капитаном смотрят прямо на них.

Фан Чуян с мрачным лицом скомандовал:

— Что застыли? Живо грузите его в машину.

Вспомнив утренний разговор с господином Арчибальдом, который нечаянно выдал их тайну, Сяо Чэнь густо покраснел — благо на его смуглом лице этого не было видно. Он не смел больше глазеть на них и потащил Лу Чанхуа к полицейской машине. Проходивший мимо капитан Фань, заложив руки за спину, добродушно сощурился:

— Чэнь-чэнь, ты снова нас выручил. С меня шашлыки при первой возможности.

— Договорились! — весело отозвался Чжай Чэнь. Заметив, что Фан Чуян продолжает сверлить его сердитым взглядом, он тут же возмутился: — Чего уставился? Детей плачущих никогда не видел?

Фан Чуян:

— ...

Лу Чанхуа сидел на железном стуле в комнате для допросов, перебирая пальцами наручники на запястьях. Он до сих пор не мог взять в толк, как его умудрились схватить так быстро.

Вчера вечером, когда ему позвонили из приюта и сообщили, что кто-то увез тех маленьких девочек, он сразу понял, что дело пахнет керосином. Он приказал уничтожить все важные документы, а сам отключил телефон, забрал наличные и поспешил в старый дом своего приемного отца. Этот дом пустовал уже много лет, о его существовании не знал никто, кроме него самого, а в электронных базах данных владелец не значился. Это было идеальное убежище.

— Тебе непонятно? А нам тем более непонятно, как у такого замечательного человека, как старый директор Е, вырос столь безумный и бессовестный сын. — Фан Чуян вошел в комнату, с размаху бросил папку на стол и с холодным лицом опустился на стул.